

[л.1.]

Яблоков Е.И.

Воскресенье – 20.XI.38г.

Нина моя, родная, милая – одной из редких моих радостей является перечислять эти ласкательные эпитеты.

Я начал с писем – приложений – детям; чтобы уместить в них второстепенные сообщения, а о главном написать тебе.

Мы переехали – нас перевезли, как видишь по адресу... В чем заключается эта перемена, как ее оценить с точки зрения нашей жизни, ее условий, условий труда, надежд на улучшения? Постараюсь описать объективно, а выводы ты сделаешь сама.

Мы нашли здесь ряд улучшений, конечно, сравнительно с жизнью в той, У.Пинежской, колонией. Всех живших в У.Пинеге довели до Архангельска; часть оставили там, а политических и бытовиков-рецидивистов-воров, худшую их часть отправили сюда. Они – это главный гнет нашего быта – воровство, брань, нахальство, вместе с тем, что отношение начальства лучше к ним, чем к политическим – все это делало нашу жизнь в У.Пинеге, около Арх-а и в пути – особенно трудной. С приездом сюда, на второй день отвели отдельный барак для политических, для так называемой 58-й статьи... барак на 65 человек; несколько велик и прохладен; хотя койки (дерев.) стоят тесно, парами. И это большая перемена. В У. Пинеге мы спали на двухэтажных нарах, без перегородок друг от друга; с нар сметалась грязь простой уличной метлой – раз в день; грязь окружала нас невероятная для вас. Здесь чище; на койке матрас и подушка набитые соломой; но обещанных одеял нет. Надо знать, что обещания здесь даются чаще, чем где либо, но не исполняются. Говорили, что в лагерях полагается всем обмундирование, но оказалось его не достает и получают

[л.1. об.]

избранные: сильные работники, бытовики, полураздетые в первую очередь; а вторая наступает редко.

Поэтому я буду теперь просить тебя выслать мне одеяло, только не громозкое и не очень хорошее. Надежде спать раздевшись, очевидно, не суждено будет осуществиться и здесь; а в У. Пинеге все 5 месяцев я спал не раздеваясь; к осени – в пиджаке; иногда тело не отдыхало; часто отлеживались руки...

Если перечислять то, что нужно прислать, то, кроме одеяла, я прошу среди зимы прислать подшивку для валенок; боюсь, они вообще не прослужат всю зиму, но там посмотрим, надежды на получение обуви здесь нет; сегодня дают только лапти; а ведь есть люди, очень нуждающиеся в обуви; валенок нет почти ни у кого.

Я написал (в открытке отсюда от 18.XI), что при отбытии из Арх-а был осмотр вещей и у меня взяли на просмотр сверток с письмами твоими, конвертами и открытками (40шт) чистыми – и... не вернули. Поэтому пришли того и другого понемногу и бумаги, и карандашей пару (не химич.); м.б. открыток писать и не придется, если ограничат отправку отсюда тремя письмами в месяц и будут считать и открытки в том числе.

Здесь есть ларек; доступ в него более легкий, чем в У.Пинеге; видимо, в нем всегда можно купить мучные изделия (хлеб разный, сушки, сухари); но д.б. никогда – жиры. Поэтому не включай в посылку мучного, разве лишь чтобы вспомнить вас – дом...

Я не раз просил прислать мне дешевого табака (65к) и побольше, т.е. четверки 4-5, прошу и теперь. Я писал про присылку горчичников – готовые продаются в аптеке; прошу вновь,

[л.2.]

попробуй вложи (для пробы немного) таких лекарств – в таблетках: кодеин; что-нибудь от головной боли (хотя голова у меня не болит); коробочку – пектуса...

Купи пару стекол для очков – (дальнозоркость 2,5 – 3,0); размер стекол по моей оправе такой т.е. 4 см диаметр; и пришли; оправка есть старая; пенсне сломаны; починить негде; также с протезом зубным; дело безнадежное; но пока обхожусь одним зубом – резцом; пища полужидкая; ем и корки хлебные; чрезвычайно ценю этот полусломанный зуб... Из твоих посылок у меня сохранилось чаю на одну заварку; хотя пил я постоянно; но с сахаром получился перебой, как раз во время переезда; деньги были, но купить не давали... Здесь купил вчера ½ кило в ларьке...

О работе: Вчера были первый раз; в Пинеге были большие бригады по 30-60 человек; здесь – маленькие – по 8 человек; наша – из старых и слабосильных по болезни; но и ее отправили вчера на не легкую работу... если так будет дальше? а говорят и здесь, как в колониях, по кр. мере, нет разделения людей на категории, а труда на тяжелый, средний и легкий; что труд тут один – лесозаготовка и погрузка – «посильный» для всех... Видимо, это наша неудачливость, что попали мы в такие места... в колонии Арх..о.; говорят про лагерь – про другие места – иное: что есть категории, есть сниженные нормы выработки для слабых, есть принцип – работа по специальности... м.б. режим так изменился везде?..

[л.2.об.]

Таким образом, перемена в жизни, которой мы так ждали в связи с переездом в другой пункт, произошла, но принесла далеко не то, на что была надежда; пожалуй, хуже того; не скрою, что настроение отчаяния посещает часто; не меня одного, а массу людей. Что делать? м.б. пока, м.б. вообще, ничего; приходит в мысль, попросить перевода в настоящий лагерь, как указано в приговоре. Но, все равно, пройдут месяцы... да и ожиданиям и обещаниям мы отучаемся верить; обреченные... Я чувствую, не обижайся, милая, как увеличивается расстояние между мной и вами. Я знаю, что из этого нужно делать выводы – лучший из них тот, что переписка с вами – будет моей единственной радостью...

Я давно не получал от вас писем. Не знаю, как вы живете. Кому я хотел бы передать мои пожелания счастья, благополучия, ты знаешь.

Маме, П.П., пока не пишу; пусть она не обидится на меня; ты знаешь, как я хочу, чтобы именно ты передала ей мой сыновний привет; ты знаешь, как благодарен я в перемене твоего отношения к ней...

Милая моя, люблю тебя, но это звук пустой, т.к. любовь – дело; а сделать я ничего теперь не могу для тебя и для всех вас мне близких. Я обниму, поцелую тебя в мыслях и ты почувствовала, читая эти слова, как я чувствую их.

Ну, так до следующего письма...

Я знаю, вы истинные мои друзья и будете мне писать – мне – твоему мужу, отцу твоих детей и сыну двух бабушек.

PS. Пришли, если удастся, теплые портянки – онучи со шнурками.